

Марио Андлер: «Когда я узнал о гибели Че Гевары, я шел по улице и плакал»

Известный уругвайский режиссер-документалист, бывший член ультралевой организации «Тупамарос» Марио Андлер рассказывает о роли кинематографистов в политической жизни Уругвая в 60—70-е годы. Он принадлежит к поколению шестидесятников, на которых огромное влияние оказали кубинская революция и личность Че Гевары. Андлер был одним из организаторов независимого объединения кинодокументалистов страны — «Синематеки третьего мира». Они создавали новое резонансное кино, которого до этого не существовало. Это было кино, сделанное в жанре так называемого новостного репортажа. Андлер снял фильмы, получившие широкую известность в стране и за рубежом. Среди них — картины о деятельности Широкого фронта «Какое знамя мы поднимаем» (1971), а также «Мне нравятся студенты» (1970) и «Liberarse» (1970) — о студенческих выступлениях в стране в конце 60-х — начала 70-х годов.

Ключевые слова: Уругвай, «Тупамарос», М.Андлер, «Синематека третьего мира», Рауль Сендик.

Ассоциация независимого кино — «Синематека третьего мира» (Cinemateca del Tercer Mundo, СЗМ) — была создана 8 ноября 1969 г., за четыре года до прихода к власти в Уругвае военных. Она объединила в своих рядах талантливых молодых кинематографистов, преимущественно левых и ультралевых взглядов, желающих делать новое документальное кино. За три года было создано более 100 фильмов, получивших большой общественный резонанс как в Уругвае, так и в других странах Латинской Америки. Достаточно сказать, что после просмотра ленты «Мне нравятся студенты» режиссера Марио Андлера на улицах Монтевидео начались выступления студентов и рабочих. Протестовали те, кого не устраивала политика консервативного правительства Хорхе Пачеко, те, кто хотел перемен и связывал их с именем Либерта Сереньи и деятельностью возглавляемого им Широкого фронта (создан в 1971 г.)*.

Фильмы СЗМ создавались в жанре так называемого репортажного кино, или кино прямого действия. Такого кино в Уругвае еще не видели. Режи-

* Подробнее об этом см.: З.В.И в а н о в с к и й, Е.Б.Ч е р н о в а. Уругвай. — Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы. М., 2000, с. 313—317.

серы снимали фильмы, еще не зная развязки событий, монтируя материал, как монтируются новостные сюжеты. Не имея фактически никакого бюджета, располагая скромными студиями и монтажками, кинематографисты самоотверженно делали резонансные картины на наиболее актуальные для Уругвая тех лет темы. Их цель была как информационная (донести до максимального числа людей суть происходящего в стране), так и пропагандистская (они, фактически, стали рупором Широкого фронта).

Действуя в обстановке все нарастающей реакции (запрет деятельности левых партий, ограничение демократических свобод и конституционных гарантий и др.) и подвергая себя прямой опасности со стороны полиции и армии во время съемок массовых столкновений, кинематографисты СЗМ старались всегда оказаться в гуще событий — будь то студенческие выступления или забастовки рабочих.

В 1973 г. президент Х.М.Бордаберри при опоре на армию осуществил государственный переворот, после чего начались массовые репрессии и аресты противников нового режима. Не избежали этой участи и члены СЗМ. Кому-то все же удалось эмигрировать, как, например, Марио Андлеру — автору наиболее нашумевших фильмов: «Liber Arce — Liberarse» (о гибели студента университета Либера Арсе после столкновений с полицией во время студенческих выступлений, 1970), «Мне нравятся студенты» (о студенческих волнениях демократического и антикапиталистического характера конца 60-х — начала 70-х годов, 1970), «Какое знамя мы поднимаем» (о создании Широкого фронта и провозглашении его лидером Л.Сереньи, программы демократических преобразований в обществе, 1971).

Андлер долгое время жил и работал в Венесуэле, был в Италии, Германии, Франции, Мексике, где тоже снимал кино (потому что не мог этого не делать) и всегда надеялся вернуться в Уругвай. Сделал он это, как и многие другие политические эмигранты, лишь после 1984 г., когда военные под напором демократических сил были вынуждены сойти с политической сцены.

Андлер со своим старыми друзьями и коллегами (с теми, кто остался в живых) принял участие в создании фильма «Синематека третьего мира», приуроченного к 40-летию ее образования.

Три лучших картины вошли в программу документальных лент, показанных во время 54 международного конгресса латиноамериканистов в Вене в июле 2012 г., где автору этих строк удалось встретиться с Андлером и взять небольшое интервью. Времени у режиссера было крайне мало: на следующий день он вылетал в Берлин на другой кинофестиваль.

— С какой целью создавалась ассоциация «Синематека третьего мира»? Революционизировать массы? Сделать так называемое реальное кино и приблизить его к народу?

— Все мы, молодые кинематографисты тех лет, были очень политизированы, хотели делать кино, которое нашло бы отклик по всей стране. Своим призванием мы считали создание фильмов в первую очередь политических, революционных, которые затрагивали бы самые актуальные, в первую очередь социальные, проблемы страны того периода, т.е. проблемы безработицы, бедности, зависимости и др. А жанр наших картин опреде-

лился во время работы. Мы снимали как бы в реальном времени и тут же распространяли наши фильмы. Подобное кино, кстати, возникло одновременно и в Мексике, Аргентине, Бразилии. Это было продиктовано самим временем.

— **Ваши коллеги в фильме, посвященном СЗМ, говорят сейчас, что все вы были слишком наивны, считая, что посредством документального кино можно что-то изменить. Вы согласны с ними?**

— И да, и нет! Да, мы все были достаточно наивными, думая, что можем быстро добиться каких-то структурных изменений. Но нам хотелось быть такими, да и время располагало к креативности и надеждам на лучшее. В обществе в конце 60-х наблюдался необычайный творческий подъем и в театре, и в литературе, и в музыке. Это было крайне важно, поскольку заполнялся вакуум, который был в культурной жизни. Люди до этого были как бы потеряны, и вдруг такой всплеск! Мы тоже хотели совершить прорыв в своей области!

— **Поговорим о вашем поколении, о поколении шестидесятников, которое во многих странах имеет общие черты, — и во Франции, и в Мексике, и в СССР. Что повлияло на формирование сознания уругвайских шестидесятников, какие иконы были у вас. И были ли они?**

— В первую очередь повлияла, конечно, Куба, кубинская революция. Мы все стали фиделистами и геваристами. Я был настолько увлечен Че Геварой, личность которого была для нас фундаментальной, что когда узнал о его гибели, шел один по улице и плакал. Куба доказала всем, прежде всего левым силам, что преобразования возможны, и это было крайне важно для всей Латинской Америки. В то время антиамериканские, антикапиталистические настроения в обществе были очень сильны. Конечно, на нас влияла также популярная латиноамериканская литература того времени, буквально взрывающая сознание, — это книги Габриэля Гарсиа Маркеса, Алехо Карпентьера, Марио Варгаса Льосы, которые имели действительно мировое значение. Но и западная литература, конечно! В первую очередь это труды Альтюссера, Сартра, Камю. Мы интересовались и русской культурой — книгами Толстого и Достоевского. Важным для нас было знакомство с советскими шедеврами документалистики — работами Сергея Эйзенштейна и Дзиги Ветрова. Все это вместе нас и формировало. Мы жили ожиданием перемен, и каждый в своей области делал что-то в этом направлении. Повторяю, все мы были очень политизированы, среди нас были и коммунисты, и анархисты, и ультралевые.

Режиссер Марио Андлер

— Поговорим о Вас. После демонстрации фильма Вы сказали, что входили в движение «Тупамарос». Разделяли ли Вы их идеи о вооруженной борьбе и городской герилье? Были ли какие-то расхождения внутри движения относительно его стратегии и тактики. Знали ли Вы лично Рауля Сендика и какого мнения были о нем?

— Да, я входил в «Тупамарос», которое объединило ультралевую, в первую очередь университетскую молодежь. Я стал его членом достаточно поздно — в возрасте 31—32 лет. И я разделял, правда, до поры до времени, его основные постулаты. Мы действовали в условиях крайней секретности и были замкнуты на своей ячейке. Я знал лишь своего шефа и двух девушек, с которыми мы взаимодействовали. Рауля Сендика я видел лишь дважды, и он произвел на меня весьма благоприятное впечатление. Да, я был за вооруженный путь борьбы и за герилью, настолько, насколько это возможно в городских условиях. Мы разделяли теорию фокизма, т.е. создания очага сопротивления. В своей деятельности мы ориентировались на Кубу, а не на СССР, как компартия Уругвая, хотя у меня лично было много друзей-коммунистов. В отличие от другого движения, 26 мая, которое действовало открыто, «Тупамарос» осуществляли свою деятельность в условиях подполья: мы отождествляли себя с Робин Гудом, который борется за права беднейших слоев населения. Мы могли, например, украсть грузовик с едой и распределить ее среди голодных детей. Могли с той же целью ограбить банк. Однако в 1971 г. я вышел из движения, поскольку на первый план была выдвинута цель *фронтальной* вооруженной борьбы. Эта идея принадлежала новым руководителям движения; Р.Сендик в это время был арестован. Я вышел из рядов «Тупамарос», поскольку был против террора. Изначально целью движения был не захват власти как таковой, а воспрепятствование приходу к власти военных и ультраправых. Когда цели изменились, мне это не понравилось.

— Военный переворот, имевший трагические последствия для страны, тем не менее, произошел. Как сложилась ваша судьба? Удалось ли вам избежать репрессий?

— К счастью, да. Однако многие мои друзья были арестованы. Среди них были и коммунисты, и анархисты, и члены «Тупамарос». Некоторые пропали без вести. Я же эмигрировал с семьей в Венесуэлу за два года до переворота, в ноябре 1972 г. Там я устроился в университет и преподавал. Мы еле-еле сводили концы с концами. От постоянной тревоги я заболел, жена потом уехала с детьми в Испанию. К счастью, я много снимал: и в Венесуэле (фильм «Две двери и гора», 1975, «Колониальное время», 1976), и позже в Германии («Метис», 1988), есть и другие менее известные работы. Но это была уже иная жизнь — в эмиграции... Мое изгнание не было ужасным, но временами оно было безысходным. О настроениях изгнанников великолепно пела «Olimarenos» — наша уругвайская группа, также эмигрировавшая из страны.

— Что Вы думаете об Уругвае сегодня, куда вернулись спустя много лет. Это более справедливое общество, чем раньше, в годы вашей борьбы?

— Нет, к сожалению. Сейчас иные ценности — капиталистические, либеральные, и меня они не устраивают. Прежние, демократические, остались в прошлом. Однако, к счастью, возрождается профсоюзное движение,

рабочие борются за свои права более активно. Несмотря на общую аполитичность, набирает обороты движение за права человека. Но, конечно, прежней активности нет.

— **Какое документальное кино нужно сейчас Уругваю?**

— Я бы сказал — разнообразное, без догм. И, конечно, высокого качества. Кино, рассказывающее о проблемах человека, о том, с чем он сталкивается каждый день, а также о его индивидуальности. И это не обязательно должно быть политическое кино. Но это обязательно должно быть кино, влияющее на сознание и формирующее его. Все это я стараюсь донести до своих учеников, на которых смотрю, как на своих даже не детей, а внуков. Отношения с ними непростые, поскольку они ищут свой собственный путь, и мы не всегда понимаем друг друга, что естественно! Их в первую очередь интересуют материальные проблемы, как заработать и прочее. Все это понятно. Но мы часто говорим на разных языках. Они не такие идеалисты, какими были мы.

— **С высоты прожитых вами лет жалеете ли Вы о своем опыте революционной борьбы?**

— Нет, не жалею. Этот опыт был важен, как важно все, что происходит в твоей жизни. Но я считаю, что крайне неправы были те лидеры «Тупама-рос», которые использовали рядовых борцов в своих интересах, заставляли их прибегать к террору и убивать. Эта линия была для меня неприемлема.

Интервью записала Е.Б.ЧЕРНОВА,
журналист, кандидат исторических наук
(natica57@mail.ru)